

УДК 343.973
ББК 67.513

Д.В. Бахарев,
кандидат юридических наук,
Сургутский государственный педагогический университет

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ И СОДЕРЖАНИИ ГЕОГРАФИИ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ОДНОГО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИННОГО КОМПЛЕКСА ПРЕСТУПНОСТИ

Статья посвящена анализу содержания и предмета исследования географии преступности как раздела криминологической теории детерминации. С критических позиций рассмотрены современные подходы представителей криминологической и географической наук к определению места и роли географии преступности в системе современного общественного знания.

Ключевые слова: география преступности; территориальные различия преступности; геокриминология; причинный комплекс преступности.

D.V. Bakharev,
Ph.D. in Law,
Surgut State Pedagogical University

TO THE ISSUE OF THE OBJECT AND CONTENT OF CRIME GEOGRAPHY AS ONE OF THE AREAS OF RESEARCHING THE CAUSAL COMPLEX OF CRIME

The paper analyzes the content and research object of crime geography as a part of the criminological theory of determination. The author presents a critical review of modern approaches to determining the role and place of crime geography in the system of contemporary social sciences favored by criminologists and geographers.

Key words: crime geography; territorial differences of crimes; geo-criminology; causal complex of crime.

Использование словосочетания «география преступности» в отечественной криминологической литературе приобрело в последние годы настолько распространенный и общеупотребительный характер, что может создаться впечатление того, что данное понятие относится к числу таких терминов, содержание которых в криминологической науке четко конкретизировано. Между тем это далеко не так, а скорее наоборот – зачастую указанный термин употребляется в различном, а иногда и противоположном контексте. Более того, очевидно, что понятие «география преступности», состоящее, как видим, из двух слов, носит изначально некий двусмысленный характер: не совсем ясно, какое из них носит управляющий, а какое подчиненный характер? Соответственно, вполне закономерен вопрос: чей это преимущественно термин – географической науки или криминологии, и что он обозначает? Поэтому совсем неудивительной представляется ситуация, сложившаяся в настоящее

время в точке соприкосновения данных наук по поводу разрешения этого спора, однако сами конкретные взгляды ученых (в особенности географов) на данную проблему вряд ли можно признать исчерпывающими.

Введение в научный оборот понятия «география преступности» произошло за рубежом. В отечественной науке данный термин начинает активно использоваться в работах криминологов в качестве синонима территориального распределения преступности или территориальных различий в показателях преступности начиная с 1970-х гг. [2, с. 5; 11, с. 74]. Соответственно, география преступности в них понимается как некая статическая картина распределения преступности как по отдельным регионам (населенным пунктам), так и в масштабах всей страны. При этом, когда поднимается вопрос о причинах подобного распределения, на первый план выходит понятие «причины территориальных различий преступности», т. е. понятие географии преступности су-

ществовало в узком, конкретном понимании, отнюдь не претендуя на полноту охвата проблемы изучения причин и условий преступности в территориальном аспекте. В этом же контексте указанный термин продолжает употребляться в криминологических работах и в 1980-е гг. [9, с. 208; 5, с. 10; 4, с. 11]. Однако уже в конце данного периода появляются работы по географии, в которых данное понятие трактуется в совершенно ином ключе, а именно, как отдельное направление социально-экономической географии, имеющее предметом своего исследования, во-первых, закономерности территориального распределения преступности, а во-вторых, влияние природно-географической среды на формирование и проявление указанных закономерностей [7]. Нередко, с аналогичной позиции указанный термин начинает трактоваться и в работах некоторых криминологов. Так, К.Т. Ростов считал, что география преступности является отдельной ветвью социальной географии, изучающей преступность «посредством исследования криминогенных свойств географической среды» [10, с. 106–107]. Таким образом, уже к концу 1990-х гг. в российской науке проявляется явная тенденция к обособлению географии преступности либо в отдельную отрасль, лежащую, причем, не в юридической (криминологической) плоскости, а в плоскости географической, либо в стыковую, т. е. комплексную науку, на стыке социально-экономической географии и криминологии [8, с. 23].

Вместе с тем с подобной точкой зрения согласились далеко не все криминологи. Например, С.А. Шоткинов определил географию преступности (предложив также «в целях избежания терминологической путаницы именовать ее геокриминографией или геокриминологией») как самостоятельное направление криминологической науки, изучающее влияние экономических, социальных, культурных, демографических, политических и естественно-природных особенностей страны (региона, субъекта или административно-территориальной единицы) на состояние, структуру и динамику преступности [14, с. 33]. Тем самым С.А. Шоткинов «вернул» географию преступности «под крыло» криминологии. Однако конец 2000-х гг. вновь ознаменовался повышением активности представителей географичес-

кой науки в разработке проблем, связанных с географией преступности и, соответственно, трактовкой ее в соответствующем ключе. В частности, А.Д. Бадов в своей докторской диссертации предпринял попытку описания феномена «геокриминогенного положения» региона или населенного пункта, под которым автор понимает «отношение данного объекта (поселения, региона) к другим объектам, находящимся вне и внутри него (другим регионам, поселениям, промышленным предприятиям, границам, транспортным путям, природным ресурсам, учреждениям пенитенциарной системы и т. д.) и оказывающим определенное влияние на его криминальную обстановку» [3]. Он выделяет среди них объекты, напрямую влияющие на уровень преступности: наркотрафики, «горячие» точки, учреждения пенитенциарной системы и др., а также объекты, влияющие на криминальную обстановку косвенно – государственная граница, природные ресурсы (особенно дефицитные), предприятия (в частности, производящие продукцию, имеющую особое значение – драгоценные металлы и камни) и т. д. [3] А.Д. Бадов утверждает, что геокриминогенное положение в условиях России является «доминантным фактором» в сравнении с другими факторами (чье влияние на преступность уже достаточно хорошо изучено), однако в его работе достаточного научного подтверждения данный тезис не нашел. Пожалуй, только по отношению к ряду регионов, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, его попытку обоснования наличия значительного влияния геокриминогенного положения регионов на показатели преступности можно признать более-менее удовлетворительной, да и то, осуществлена она была скорее на основе фактологического материала, не будучи подкрепленной при этом статистическими выкладками*.

В работе другого географа А.В. Кулагина также указывается, что «на различия уровня преступности в регионах, помимо других

---

* Хотя, например, говоря о Республике Дагестан (вот уж где действительно следовало бы попытаться связать геокриминогенное положение региона и показатели преступности в нем), автор заявляет, что «к основным причинам, влияющим на уровень преступности в республике, следует отнести межклановую борьбу за власть, тотальную коррупцию, высокий уровень безработицы и социальное расслоение» [3, с. 325].

факторов, существенное влияние оказывают географические факторы», однако доказательства данного положения, представленные автором, также никак нельзя признать достаточными. Например, он считает, что умеренно континентальный климат, плодородные почвы, богатая минерально-сырьевая база, выгодное геополитическое и транспортно-географическое положение Самарской области выступают одними из основных условий формирования преступности в регионе, которые сами по себе не порождают преступность, но служат обстоятельствами, способствующими ее возникновению и существованию [6, с. 88, 147]. О том, каков конкретный механизм проявления подобных закономерностей, автор не указывает. Заслуживающим внимания, хотя и далеко не бесспорным, следует считать лишь замечание А.В. Кулагина о наличии взаимосвязи между ростом уровня преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков в Самарской области и расположением ее «на пути так называемого «северного маршрута» переброски наркотиков из Центрально-Азиатского региона в Россию [6, с. 94]. Похоже, что это единственный географический фактор, который автору в своей работе удалось хоть как-то связать с показателями преступности.

Попытаемся разобраться в том, каково действительное назначение географии преступности и насколько объективны притязания представителей географической науки в признании за ними приоритета в разработке проблем, связанных с изучением влияния объектов природно-географической среды на показатели преступности. По нашему мнению, основное назначение географии преступности – выяснение причин преступности посредством изучения ее территориальных различий. Отсюда следует, что в подобном ракурсе география преступности отнюдь не представляет собой какой-либо обособленный раздел криминологии, появление которой в качестве самостоятельной науки вообще изначально было обусловлено поиском причин преступности. Впоследствии, с расширением спектра криминологического знания, проблемами изучения причин преступности стал заниматься отдельный раздел криминологии – теория детерминации. Как отдельное направление в рамках данной теории в отечественной науке было принято

понимать и изучение территориальных различий преступности [1, с. 14–17]. Таким образом, под *географией преступности* следует понимать раздел криминологической теории детерминации, изучающий причинный комплекс преступности в территориальном аспекте. Сразу же следует оговорить, что под причинным комплексом преступности здесь понимается не только совокупность причин и условий преступности (т. е. причинный комплекс преступности в узком смысле), но также совокупность всех общественных отношений, обуславливающих возникновение причин и условий преступности.

Предлагаемое определение географии преступности и, соответственно, определение границ ее предмета исследования показывают, что данный предмет исследования (если его формулировать в рамках криминологии) значительно более объемный и, следовательно, более перспективен для разработки в отличие от того предмета исследования данной отрасли, который обосновывают представители географии. Так, А.Д. Бадов понимает географию преступности (геокриминологию) как науку, изучающую «территориальную дифференциацию преступности и взаимосвязи между географическими условиями и ее уровнем (характером) в пределах территориальных систем различного таксономического ранга» [3, с. 7]. Данное определение в целом совпадает с приведенным выше понятием географии преступности, данным К.Т. Ростовым. Таким образом, в качестве предмета исследования в этих случаях выступает влияние исключительно географического фактора на территориальные различия преступности, тогда как все другие факторы, находящиеся во взаимосвязи с преступностью, остаются, что называется, «за бортом».

Что же касается введения в научный оборот синонимов географии преступности, например, геокриминологии (как предлагают С.А. Шоткинов и А.Д. Бадов), либо переименования ее подобным образом, то этот шаг также представляется не вполне целесообразным. Во-первых, сам термин «география преступности» давно и устойчиво используется в науке, при этом его сущность понимается большинством ученых примерно в сходном ключе, а именно – как раздел, занимающийся изучением территориальных различий преступности. А во-вторых, использование

слова «криминология» способствует необоснованно расширенному толкованию предлагаемого термина: общеизвестно, что криминология изучает наряду с преступностью как общественным явлением, ее причинами и условиями также вопросы личности преступника и проблемы предупреждения (профилактики) преступности, тогда как география преступности рассматривает в территориальном ракурсе лишь преступность и ее причины и условия.

Вообще вопрос о существовании географических факторов преступности и определении их влияния на рост или снижение преступной активности населения в той или иной местности, интересует представителей криминологической науки гораздо более длительный период, нежели географов. Достаточно сказать, что в работах большинства ученых так называемой «социологической» школы XIX в. анализ причин преступности географического (природного) характера происходил параллельно с исследованием факторов индивидуальных (биологических) и социально-экономических.

В период расцвета советской криминологии (1970–1980 гг.) позиция отечественных криминологов по данному вопросу была в целом единой и четко сформулированной: природная среда определенной местности, безусловно, оказывает серьезное и многоаспектное влияние на вектор развития и интенсивность всех социальных процессов на данной территории. Но поскольку комплекс причин преступности как социального явления непосредственно содержится в проблемах и противоречиях развития социального организма, то влияние географической среды на поведение индивидов, в том числе и противоправное, может осуществляться не иначе, как путем преломления в призме социальных процессов и непосредственного влияния на преступную активность людей оказывать не может [13, с. 165; 12, с. 4–5]. Иначе говоря, силы природы и акты преступного поведения непосредственно граничить не могут, первые никогда не выступают непосредственной причиной вторых – между ними всегда содержится связующее звено в виде определенных социальных противоречий, негативные последствия которых, в свою очередь, и могут создать условия, а затем и причины преступности.

Постараемся продемонстрировать это на конкретном примере. В частности, давно отмеченный в науке и на практике повышенный уровень тяжких преступлений против личности (убийств и причинения тяжкого вреда здоровью) в регионах с холодным климатом и объяснявшийся учеными позапрошлого века непосредственным влиянием климатической среды на изменение психофизиологических свойств человека, что выливалось в совершении насильственных преступлений, в наши дни находит совсем другое объяснение. Суровые климатические условия изначально обуславливают особый характер как производительных сил, так и производственных и иных общественно-экономических отношений на данной территории. Очевидно, что в условиях преобладающего тяжелого физического труда, направленного, как правило, на добычу и первоначальную обработку полезных ископаемых, здесь преобладает преимущественное использование рабочей силы мужчин. Подобные особенности производительных сил закономерно оказывают влияние на формирование производственных отношений: трудовые ресурсы привлекаются наиболее целесообразным в данных условиях вахтовым методом. Это не может не отразиться и на других общественных отношениях, складывающихся в данных условиях хозяйствования, например, в форме складывающейся здесь гендерной (половой) асимметрии и в отсутствии полноценной жилищно-бытовой и культурно-досуговой инфраструктуры, необходимой пусть не для полного, но, по меньшей мере, достаточного удовлетворения потребностей населения в данных сферах. Налицо комплекс социальных противоречий, последствия которых могут носить как положительный, так и отрицательный характер. В качестве последних можно рассматривать вынужденное проведение работниками большей части времени в некомфортных и стесненных бытовых условиях, причем это носит повседневный, рутинный характер. Такие обстоятельства неизбежно порождают (учитывая к тому же дисбаланс в половой структуре коллективов в пользу мужчин) повышенно неблагоприятный фон, способствующий возникновению острых социальных конфликтов, что является условием совершения преступлений против личности. Сами же конфликты вполне

можно рассматривать в качестве основной причины совершения подобных преступлений.

Таким образом, связь природно-географической среды и причинного комплекса преступности имеет отнюдь не прямой, а достаточно опосредованный социальными противоречиями и их негативными последствиями характер, что, в целом, подтверждает выводы советской криминологической науки. Достаточных же оснований для принципиальной корректировки данного вывода к настоящему времени не появилось ни в криминологии, ни в географии, в том числе нет их и в работах вышеприведенных авторов.

Очевидно, что исследование специфики и закономерностей проявления всего вышеописанного причинного комплекса преступности не под силу ни одной существующей в настоящее время науке в отдельности, в том числе и криминологии. Слишком объемов тот массив знаний, необходимых даже для схематичного описания, а тем более для объяснения каждого из процессов (этапов), составляющих данный комплекс. Причинная цепочка «негативные последствия социальных противоречий – условия преступности – причины преступности» по праву является «епархией» криминологов, хотя уже в процессе исследования первого звена они испытывают объективную потребность в помощи своих «старших коллег» – социологов. Тем более неизбежно обращение к достижениям социологической науки при разработке проблем исследования существующих в обществе социальных противоречий. На первоначальной же стадии, т. е. при рассмотрении роли производственных отношений в продуцировании преступного поведения криминология нуждается в результатах, полученных в процессе исследования данных отношений экономистами, географами и опять же, неизбежно, – социологами. Если говорить об экономической науке, то это, в первую очередь, знания, накопленные региональной экономикой и социально-экономической статистикой, а в географии – социальной и экономической географией. Неизбежно возникает вопрос: почему именно этими отраслями, а не другими?

Рассматривая причинный комплекс преступности в территориальном аспекте, т. е. применительно к отдельному региону или

населенному пункту, видим, что особенности сложившихся в нем производственных отношений определяются комплексом имеющихся ресурсов (как природных, так материальных и людских), закономерности формирования которого изучаются в рамках одного из главных разделов экономической географии – учения об экономико-географическом положении территории (населенного пункта). Специфика этого комплекса определяет структуру производства на данной территории, т. е. отраслевую структуру хозяйства и, соответственно, особенности складывающихся здесь производственных отношений, что является предметом рассмотрения как экономической географии, так и региональной экономики. Достигнутые в ходе производственной деятельности результаты, причем как в экономическом, так и социально-культурном плане, нельзя оценить без применения комплекса методик, разрабатываемых социально-экономической статистикой. Значительное влияние на протекание данных процессов оказывает специфика сложившихся на данной территории социальных общностей, дифференцируемых по поло-возрастному, национальному, культурному, образовательному и др. критериям, которые находятся в поле изучения социальной географии, а также демографического раздела социологии. И лишь обобщенные результаты выявления и последующего сравнения региональных (территориальных) особенностей протекания вышеуказанных процессов, причем в призме обобщенного социологического знания, могут вывести представителей криминологической науки на специфику сложившихся там социальных противоречий и позволят выявить те их негативные последствия, которые (при недостаточном учете со стороны управленческих структур данных последствий) могут сформировать условия и причины роста преступной активности населения.

Следует полагать, что все вышеуказанные стадии исследования причин преступности в территориальном разрезе целиком укладываются в рамки географии преступности как раздела криминологической теории детерминации. Ни экономика, ни география не подготовлены к решению данной задачи лучше, чем юриспруденция и ее отдельная отрасль – криминология, изначально форми-

ровавшаяся как комплексная социально-правовая наука, призванная синтезировать методы и достижения смежных отраслей знания в целях изучения такого социального феномена как преступность. Другое дело, что в этих целях накопленный к настоящему моменту массив криминологических знаний должен существенно расшириться за счет как комплекса используемых в настоящее время в криминологии методов, так и самого фундамента криминологического знания. В подобных обстоятельствах изучение географии преступности является одной из наиболее сложных и трудоемких криминологических задач, поскольку требует серьезного ознакомления со всеми вышеуказанными науками (социоло-

гией, социально-экономической географией, региональной экономикой, социально-экономической статистикой), причем не только с их теоретическими основами, но и современным состоянием дел в них и перспективами развития данных отраслей. Однако подобная междисциплинарность криминологических исследований есть насущное требование сегодняшнего дня, предъявляемое ко всем без исключения наукам общественного цикла, и которое, в том случае если мы действительно хотим получить подлинно новое знание, а не заниматься периодически «открытием Америки» (что, по факту, как было показано выше, и происходит на самом деле), должно воплотиться из декларации в реальность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе. Методология, методика, техника. – Л., 1991. – С. 14–17.
2. Бабаев М.М. Демографические процессы и проблемы территориальных различий преступности // Вопросы борьбы с преступностью. – 1973. – № 21. – С. 5.
3. Бадов А.Д. География преступности России в постсоветский период : дис. ... д-ра геогр. наук. – Владикавказ, 2009. – С. 7, 310–311, 325.
4. Габияни А.А., Гачечиладзе Р.Г. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). – Тбилиси, 1982. – С. 11.
5. Габияни А., Гачечиладзе Р., Дидебулидзе М. Об основных принципах пространственного анализа преступности (на примере Грузинской ССР) // Актуальные вопросы предупреждения правонарушений. – Тбилиси, 1981. – Вып. 1. – С. 10.
6. Кулагин А.В. Территориальная дифференциация преступности в субъекте Российской Федерации на примере Самарской области : дис. ... канд. геогр. наук. – Самара, 2009. – С. 7, 88, 94, 147.
7. Лукницкий С.П. География преступности в РСФСР (опыт социально-географического исследования) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Л., 1989. – С. 106–107.
8. Лунев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997–1999 гг.) // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 23.
9. Мазин Е.Н. Основные направления исследований территориальных различий преступности : сб. науч. работ. – Вильнюс, 1980. – Вып. 6. – С. 208.
10. Ростов К.Т. Методология регионального анализа преступности в России : дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1998.
11. Соколов А.Ф. Некоторые вопросы методики изучения состояния и причин преступности (территориальный аспект) // Эффективность уголовного права на современном этапе. – Свердловск, 1977. – Вып. 54. – С. 74.
12. Спирidonов Л., Лепс А. Теоретические вопросы изучения территориальных различий преступности // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. – Тарту, 1985. – Вып. 725. – С. 4–5.
13. Территориальные различия преступности и их причины // Вопросы борьбы с преступностью. – 1988. – № 46. – С. 165.
14. Шоткинов С.А. Преступность в крупных городах Восточной Сибири. – М., 2004. – С. 33.

REFERENCES

1. Avrutin Yu.E., Gilinskij Ya.I. *Kriminologicheskij analiz prestupnosti v regione. Metodologiya, metodika, tekhnika* [Criminological Analysis of Crimes in the Region. Methodology, Methods, Technique]. Leningrad, 1991, pp. 14–17.
2. Babaev M.M. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Fighting Crime]. 1973, no. 21, pp. 5.
3. Badov A.D. *Geographiya prestupnosti Rossii v postsovetский period (doct. dis)* [Crime Geography in Russia in the Post-Soviet Period (Doc. Dis. Thesis)]. Vladikavkaz, 2009, pp. 7, 310–311, 325.

4. Gabiani A.A., Gachechiladze R.G. *Nekotorye voprosy geographii prestupnosti. Po materialam Gruzinskoj SSR* [Some Aspects of Crime Geography. On the Materials from the Georgian Soviet Socialist Republic]. Tbilisi, 1982, pp. 11.
5. Gabiani A., Gachicheladze R., Didebulidze M. *Aktual'nye voprosy preduprezhdeniya pravonarushenij* [Topical Issues of Crime Prevention]. Tbilisi, 1981, no. 1, pp. 10.
6. Kulagin A.V. *Territorial'naya diphphereentsiatsiya prestupnosti v sub'ekte Rossijskoj Phederatsii na primere Samarskoj oblasti (Cand. Dis.)* [Territorial Differentiation of Crime in a Subject of the Russian Federation Using the Example of Samara Region (Cand. Dis. Thesis)]. Samara, 2009, pp. 7, 88, 94, 147.
7. Luknitskij S.P. *Geographiya prestupnosti v RSPhSR (Opyt sotsial'no-geographicheskogo issledovaniya) (avtoref. kand. dis.)* [Crime Geography in the Russian Soviet Federative Socialist Republic (an attempt of a socio-geographical study) (Cand. Dis. Thesis)]. Leningrad, 1989, pp. 106-107.
8. Luneev V.V. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 2000, no. 11, pp. 23.
9. Mazin E.N. *Osnovnye napravleniya issledovanij territorial'nykh razlichij prestupnosti* [Key Areas of Researching the Territorial Differences in Crimes]. Vilnius, 1980, pp. 208.
10. Rostov K.T. *Metodologiya regional'nogo analiza prestupnosti v Rossii (Doct. Dis.)* [Methodology of the Regional Analysis of Crimes in Russia (Doct. Dis. Thesis)]. Saint-Petersburg, 1998.
11. Sokolov A.Ph. *Ephphektivnost' ugolovnogo prava na sovremennom etape* [Effectiveness of Criminal Law in the Modern Period]. Sverdlovsk, 1977, no. 54, pp. 74.
12. Spiridonov L., Leps A. *Teoreticheskie problemy izucheniya territorial'nykh razlichij prestupnosti* [Theoretical Issues of Researching the Territorial Differences in Crimes]. Tartu, 1985, no. 725, pp. 4–5.
13. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Fighting Crime]. 1988, no. 46, pp. 165.
14. Shotkinov S.A. *Prestupnost' v krupnykh gorodakh Vostochnoj Sibiri* [Crimes in Large Cities of Eastern Siberia]. Moscow, 2004, pp. 33.

Информация об авторе

Бахарев Дмитрий Вадимович (Сургут) – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник кафедры экономики и права. ГОУ ВПО ХМАО-Югры «Сургутский государственный педагогический университет» (628400, Россия, Тюменская область, Сургут, ул.50 лет ВЛКСМ, 10/2, e-mail: demetr79@mail.ru)

Information about the author

Bakharev, Dmitriy Vadimovich (Surgut) – Ph.D. in Law, Chief Researcher, Chair of Economics and Law. Surgut State Pedagogical University (50 let VLKSM st., 10/2, Surgut, 628400, Tyumen Region, e-mail: demetr79@mail.ru)